***Мартинович Г. А.* Теоретические основы исследования: § 1. Общие положения, § 2. Значение слова, § 3. Полисемия // Мартинович Г. А. Семантическая структура глагола «пасть» в современном русском национальном языке (специальность 10. 02. 01 – русский язык). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук Л., 1978.**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Общие положения. Уже в работах Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. М. Сеченова, И. П. Павлова было показано, что мышление существует в природе в различных формах, проходя в своем развитии от стадии непосредственного, ситуативного, чувственно-наглядного мышления, свойственного в низшем качестве и высшим животным, к мышлению рациональному, разумному, надситуативному, то есть собственно человеческому[1]. Одновременно было показано принципиальное единство мысли на всех её уровнях: это – «сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении»[2], а также сложность, комплексность человеческого мышления в целом, включающего в себя при ведущей роли рационального мышления все более низкие по сравнению с ним формы[3]. Но мысль нигде и никогда не возникает сама по себе: для её осуществления необходимы какие-то «опорные явления: сами реальные предметы, их образы, слова – «сигналы сигналов» (И. П. Павлов), а скорее всего, и то и другое вместе. Именно появление слов, членораздельной речи дало человеку как возможность осознать свое мышление, так и возможность обходиться в мыслительной деятельности без неизбежных для осуществления процессов предшествующих форм чувственно-наглядного мышления условий реальной, «наглядной» ситуации и создать необходимую для рациональных,

---

[1] Сеченов И. М. Элементы мысли // Сеченов И. М. Избранные произведения. М. 1958. – С. 274 – 412. Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М. 1973. С. – 411 – 425. «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование… анализ незнакомых предметов… синтез… и, в качестве соединения обоих, эксперимент… По типу все эти методы – стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования – совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. – С. 537 – 538.

[2] Сеченов. И. М. Указ. соч. – С. 279.

[3] Одной из последних работ по этому вопросу является книга: Салиев А. Мышление как система. Фрунзе, 1974. См. также: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. – С. 30 – 39.

человеческих форм мышления искусственную словесную ситуацию – «ситуацию ситуации». Человек способен мыслить в «ситуации» слов.

Таким образом, язык определяется как средство осознания и оформления человеческой мысли, как средство формирования осознанной мысли (сознания), возникающее и развивающиеся на базе коммуникативных потребностей людей[4]. Из этого следует проблема соотношения языка и осознанного мышления, соотношения структуры языка и структуры человеческого сознания, и в первую очередь структуры научного, художественного, повседневно-бытового и т. п. сознания. Однако, признавая необходимость учета в исследованиях определенных областей действительности диалектического единства языка и сознания, их постоянной взаимосвязи и взаимообусловленности, необходимо признать также возможность и правомерность выделения, абстрагирования языка в качестве самостоятельного объекта наблюдения и изучения: «Язык как исторически сложившийся сложнейший знаковый механизм общения – объективен и реален в своем материально-идеальном “естестве”»[5].

Несколько спорным в приведено высказывании представляется тезис об объективности языка. Объективным, то есть независимым от сознания субъекта (субъектов), можно и нужно признать лишь сам факт существования языка, то, что он вообще есть. Но язык не существует вне и независимо от людей[6], вне и независимо от их языкового сознания, от сознания «говорящего человека»[7], то есть он объективен и субъективен настолько, насколько объективно и субъективно само сознание[8]. Примером этому может

---

[4] «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. – С. 29.

[5] Головин Б. Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // ВЯ, 1976, № 3. – С. 22. См. также: Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. М., 1977. – С. 10.

[6] Любой мертвый язык – постольку язык, а не просто орнамент, поскольку он когда-то был живым языком. См. также: Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954.

[7] Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. – С. 3.

[8] «Каждый язык при его длительном социальном использовании вырабатывает свои структуры, но они устанавливаются в нем не самостоятельно, а в зависимости от дейст-

служить категория вида в русском языке, возникшая и развившаяся в результате длительной абстрагирующей работы человеческого мышления очень высокого порядка в процессах отражения человеком действительных процессов[9]. Вообще многие лингвистические категории служат не только (а иногда и не столько) для обозначения объективных явлений, но и для выражения их субъективных восприятий, того, как они мыслятся, отражаются, «преломляются» человеком. Поэтому представляется необходимым признать субъективно-объективную природу языка[10]. Сказанное подтверждается еще и следующим.

«Материально-идеальное естество» языка также понимается по-разному. Чаще всего под ним подразумевают единство материальной формы и идеального содержания. Однако естественный язык явление совершенно своеобразное, оригинальное и уникальное. Его формы оказываются не только материальными, но и идеальными («акустические образы» их), а содержание не только идеальным, но и материальным (материальные денотаты, то есть часть реальных явлений)[11], что и проявляется при наблюдении над отношениями между формами существования языка и речью.

Для всех имеющихся в настоящее время признаков противопоставления языка и речи есть определенные основания[12]. Однако главным, основным нам представляется противопоставление их как общего и частного. В то же время сам язык нельзя признать однородным. Он имеет две формы существования: материальную, прерывную, пред-

---

вующих законов мышления». Мещанинов И. И. соотношение логических и грамматических категорий // Язык и мышление. М., 1967. – С. 8.

[9] «Категория вида обозначает различия в представлении протекания действия. Она заключает в себе возможность двоякого взгляда на действие, которое при разных видах глагола может быть одним и тем же по смыслу». Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971. – С. 49. О субъективной стороне мышления см.: Маркс К. Тезисы о Фейербахе (тезисы 1 и 5) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. – С. 1 – 4.

[10] По этому вопросу см.: Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. «Язык как объект науки является уникальным и в том смысле, что он насквозь субъективен как атрибут человеческой природы». Там же. – С. 14.

[11] О важности признания реальности, действительности как идеального, так и материального «миров» см.: Ломтев Т. П. Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики // Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М,. 1976. – С. 257 – 259.

[12] Об этих признаках см., например: Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. – С. 10.

ставленную в виде бесконечно повторяющихся и соединенных между собой определенным способом элементов речевых отрезков (текстов), того общего, что есть в этих элементах (существующих как бы вне людей и без людей), – реальный объект наблюдения – и идеальную, инвариантную, тоже реально существующую, но уже в сознании носителей языка в виде обобщенного отражения этих элементов и закономерностей их употребления – языковое сознание (практическое знание того или иного языка, которое нельзя смешивать со знаниями о языке, т. е. со знаниями о структуре его материальной и идеальной форм, с его моделями, научными конструктами, являющимися лишь средством и инструментом познания языка и могущими быть как верными, так и неверными)[13].

В отмеченных формах существования языка заключается диалектическое единство противоположностей, образующих основной внутренний источник «исторического развития языка» (Т. П. Ломтев), вызванного в конечном итоге различными причинами (чаще всего экстралингвистическими – потребностями наименования).

Языкове сознание людей воплощает в себе систему языка в целом, содержит как всё актуальное, так и всё потенциальное. Возникая и пополняясь за счет отражения речи, оно в то же самое время само творит, создает речь. Оно, как и всякое сознание, имеет активно-творческое начало. Постоянно стремится к проявлению всех своих скрытых свойств, возможностей и способностей[14]. Творческой по своей природе оказывается и речевая деятельность каждого человека, создающего в целях общения по определенным правилам отбора и соединения (но и с учетом различных потенций) из элементов языкового сознания конкретные речевые отрезки, превращая языковое сознание в материальную речь.

Материально-прерывная форма языка, содержит только всё фактически высказанное, консервативна (в понимании А. М. Пешковского и Л. В. Щербы) и воплощает в

---

[13] Указанная двойственность языковой природы довольно часто является источником противоречий, возникающих при исследовании многих лингвистических явлений и вытекающих главным образом из преувеличения значения одной из этих форм и игнорирования другой. О двойном модусе существования языка см. в кн.: Языковая номинация (общие вопросы). М., 1977. – С. 8.

[14] «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». «Понятие (=человек) как субъективное снова предполагает само-в-себе сущее инобытие (=независимую от человека природу)». Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29. – С. 194.

себе прежде всего уровень языковой нормы, так как нормативное – это и есть обычное (узаконенное или узуальное) проявление системы, показывающие, какими и как являются ее элементы в речи. Ненормативное, окказиональное – это необычное, а иногда и вовсе случайное, проявление системы.

Отношения между системой и нормой в языке являются частным случаем диалектики сущности и явления[15]: языковая система воплощает сущностное, глубинное, устойчивое и необходимое в языке; языковая норма обычное проявление этой системы, изменчивое (в исторических масштабах), актуальное лишь в данный момент развития языка. В силу этого сама устойчивость тех или иных норм употребления языковых единиц оказывается относительной, обусловленной различными внутрилингвистическими и экстралингвистическими (историческими, социальными, территориальными и др.) факторами[16].

Отмеченные выше противоположности: активность языкового сознания и консервативность материально-прерывной формы языка, также отражаемая языковым сознанием, потенциальность и норма, сущностное, глубинное и поверхностное, преходящее а языке – образуют то диалектическое противоречие, разрешение которого и определяет характер и закономерности развития языковой системы, ее внутреннего обогащения и самосовершенствования. Таким образом, развитие языка осуществляется в процессах борьбы между старым и новым, потенциальным и нормативным в самой языковой системе, между тем, **что** «хочется сказать», «можно бы сказать», и тем, **что** «принято говорить», «нужно говорить»[17]. Основным источником, стимулом и целью этой борьбы являются языковые потребности общества[18].

---

[15] Нормативное, однако, только определенная, хотя и важнейшая, часть проявления языковой системы, тогда как ее явление мы находим во всем многообразии созданных человеком текстов (в речи).

[16] «Языковая норма се только **относительной** устойчивостью всегда слагается в борьбе между традициями языкового вкуса и теми живыми силами, которые направляют естественный ход исторического языкового развития». Винокур Г. О. Из бесед о культуре речи // РР. 1967. № 3. – С. 13.

[17] См. также: Будагов Р. А. Что такое развитие и самосовершенствование языка? М.. 1977.

[18] Ломтев Т. П. считает, что «основным внутренним противоречием… является противоречие, возникающие между наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями». Ломтев Т. П. Внутренние противоречия как источник

Все это уже само по себе говорит о необходимости и неизбежности системной интерпретации языка и его отдельных категорий, имеющих свои собственные закономерности развития и существования, которые определяются в конечном итоге свойствами и способностями человеческого сознания.

Системный подход к изучению языка, лексической семантики в отечественном языкознании намечается в конце XIX века. Особенно большую работу в этом направлении проделали два крупнейших русских филолога того времени: А. А. Потебня и М. М. Покровский. Высокую оценку их деятельности дал В. В. Виноградов. Так, отметив идеалистические моменты во взглядах А. А. Потебни, он писал о нем: « Но самая мысль о глубокой внутренней связи между разными семантическими рядами слов в языке, о необходимости изучать системы или цепи значений слов, относящихся к одной или нескольким смежным лексико-семантическим сферам или группирующихся вокруг одной семантической категории, одного семантического ядра, или одних и тех же «представлений»… и связывать их с общественным бытом народа, с воззрениями народа, имела для той эпохи глубоко прогрессивный характер»[19]. В работах М. М. М. Покровского В. В. Виноградов отмечает стремление автора отыскать закономерности семантических явлений, охватывающие разные языки, показать, что «общие законы изменения значений слов связаны с общими законами употребления соответствующих слов в предложении» и в то же время во многом обусловлены «психологий и историей народа»[20].

В первой половине XX века вопросы системности языка и его лексического состава заняли видное место в трудах крупнейшего советского языковеда Л. В. Щербы. Разграничив три аспекта языковых явлений: «речевую деятельность», «языковой материал» и «языковую систему», – он писал о том, что единая языковая система должна быть социально обусловлена в прошлом, объективно заложена в языковом материале (текстах – Г. М.) данной социальной группы и реализована в индивидуальных речевых

исторического развития структуры языка // Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М., 1976. – С. 14. Мы рассматриваем «потребности (в широком смысле) говорящих на данном языке» (Будагов Р. А.) как своеобразный «излучатель энергии», приводящий в движение механизм «способность – норма», постоянно находящийся под напряжением, для разрядки которого нужен только какоё-то внешний толчок.

[19] Виноградов В. В. История русских лингвистических учений, М., 1978. – С. 153.

[20] Виноградов В. В. Указ. соч. – С. 190.

системах[21]. В собственном же смысле языковая система, выводимая лингвистами из соответствующего языкового материала, понимается Л. В. Щербой как словарь и грамматика данного языка[22]. Более подробно о системном характере лексики и семантической структуры слова Л. В. Щерба писал в «Опыте общей теории лексикографии», подчеркивая необходимость отражения этой системности в толковых словарях: «…научным надо считать словарь академического, или нормативного, типа, ибо такой словарь имеет своим предметом реальную языковую действительность – единую лексическую систему данного языка»[23]; «Словарь все же является не простым, хотя бы и полным собранием примеров на отдельные фонетические слова, а собранием сгруппированных под отдельными словами общих понятий, по которые подводятся в данном языке единичные явления действительности»[24].

В 60-е годы нашего столетия, когда системное описание лексики становится общепринятым, основное внимание исследователей обращается на поиски особенностей лексической системы, специфических закономерностей ее устройства и существования по сравнению с другими системами языка: «Лексический состав – это также определенная система, правда, в отличие от других языковых систем, мало проницаемых и более замкнутых (например, системы фонематической или грамматической), несравненно более обширная, сложная, гибкая и подвижная»[25]. По вопросу о системной организации структуры многозначного слова в говорах Ф. П. Филин писал следующее: «Поскольку диалектное слово распространено хотя и в различных, но близкородственных говорах единого русского языка, его значения всегда составляют единую семантическую структуру… позволяющую говорить об одном, а не о нескольких словах. Самостоятельно возникшие в разных говорах значения диалектного слова всегда имеют один исходный источник (одно исходное значение), поэтому соотносятся друг с другом независимо от того, сохраняется непосредственный контакт между говорами или он утерян»[26]. Из этого

---

[21] Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. – С. 29.

[22] Там же. – С. 31.

[23] Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958. – С. 64.

[24] Там же. – С. 70.

[25] Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30 – 90 годы XIX века. М.-Л., 1965. – С. 13.

[26] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.-Л., 1961. – С. 148.

следует, что источник единства семантической структуры слова внутренне заложен в самом этом слове, тогда как отдельные звенья его семантической структуры могут существовать только в какой-то одной сфере национального языка (не обязательно диалектной): «Разные говоры одного и того же языка все же образуют определенную систему и в отношениях между собою, и в отношениях с литературным языком, систему, которая является проявлением их исторической общности, единства их развития в условиях взаимодействия друг с другом и с литературным языком»[27].

Произведенный обзор позволяет сделать следующие выводы.

1. Системные связи в языке и особенно в его лексическом составе в значительной мере отражают народные воззрения на окружающую действительность, исторически сложившееся повседневное, обиходно-бытовое сознание его носителей. В то же время сам характер этого сознания, формирующегося прежде всего в результате апперцепционного восприятия и отражения всего многообразия жизненных явлений, во многом определяется характером языковой среды того или иного общества. Развитие конкретных черт языковой системы зависит также и от собственно лингвистических причин (морфологического строя языка, его деривационных моделей, синтагматических связей слов и т. п.), т. е обусловлено особенностями самой языковой системой.

2. Лексическая система языка, теснее всего и более непосредственно связанная в своем содержании с бытовыми понятиями об окружающей действительности, имеет целый ряд особенностей по сравнению с другими языковыми системами.

3. В парадигматике слово имеет два рода системных связей и отношений:

А) связи и отношения с другими (внешними) единицами языка (чаще всего одноплановыми), определяющие слово в качестве одного из членов тех или иных лексико-семантических групп языка;

Б) связи и отношения между его отдельными значениями и их семантическими вариантами, определяющие внутреннее семантическое устройство этого слова.

4. Существует единство системы языка и его лексического состава в общенациональном масштабе, позволяющие исследовать и описывать системные связи и отношения слов как первого, так и второго рода во всем многообразии функциональных, социальных и территориальных вариантов языка в одну из эпох его исторического развития.

---

[27] Сороколетов Ф. П. Семантическая структура слова в диалектных словарях // Вопросы изучения лексики русских народных говоров (диалектная лексика). 1971. Л., 1972. – С. 188 – 189.

§ 2. Значение слова[28]. В настоящее время существуют самые разные концепции, так или иначе объясняющие природу лексического значения слова[29]. Не имя возможности произвести здесь подробный обзор соответствующей литературы ввиду ее обширности, отметим лишь три основных, как нам представляется, понимания сущности значения слова в отечественном языкознании.

Признавая в целом знаковую природу языка вообще и слов как его основных единиц («словесные знаки»)[30], исследователи говорят о значении слова либо как просто о «чем-то», являющемся отражением или отображением явлений, внутренней, идеальной стороной, планом содержания материальной языковой оболочки[31], не раскрывая при этом сущности связи между материальной формой и ее идеальным содержанием[32], либо как об отношении (или соотносительности) материальной формы к своему идеальному и/или материальному содержанию[33], либо как о способности (или функции) слова нести

---

[28] Здесь и далее рассматривается только значение знаменательных, полнозначных слов, и в первую очередь – глаголов. См.: Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965. – С. 3 – 9.

[29] Соотношение лексического и грамматического значений нами не рассматривается. О этом см., например: Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. II. М., 1972. С. 9 – 43.

[30] Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. – С. 66.

[31] «Материальная языковая оболочка постольку и является языковой оболочкой, поскольку она наполнена определенным смысловым содержанием». Ахматова О. С. Словарь омонимов русского языка. Изд. 2. М., 1976. – С. 4.

[32] Ковтун Л. С. О значении слова // ВЯ, 1955, № 5. – С. 65 – 77; Резников Л. О. Гносеологические основы связи мышления и языка // Уч. зап. ЛГУ, № 248, 1958, серия философских наук, вып. 13. – С. 136 – 163; Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологи русского языка. М., 1964, С. 78.

[33] Мальцев В. И. Значение и понятие // Проблемы значения в лингвистике и логике. МГУ, 1963. – С. 3 – 7; Абрамян Л. А. О лексическом значении слова. Историко-филологический журнал. № 1 (36), АН Армянской СССР, Ереван, 1967. – С. 66 – 79 (особо см. с. 70 – 79); Чикобава А. С. К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции // Язык и мышление. М., 1967. – С. 21.

информацию о «чем-то», что отличается от него самого[34]. Кроме того, в большинстве работ постоянно, хотя и по-разному, различается значение слова в языке и речи.

Речь и существующий в ней язык с гносеологической точки зрения как в филогенезе, так и в онтогенезе первичны по отношению к индивидуальному и общественному языковому сознанию. Следовательно, значении слова в языковом сознании также является инвариантным отражением определенных сторон семантических явлений, наблюдаемых в процессах речевого общения, где слово выполняет прежде всего коммуникативную функцию, т. е. служит инструментом для обмена мыслями, попеременной передачи мыслей одного человека другому о действительных, реальных (или же кажущихся таковыми, или же сознательно вымышленных, фантастических и т. п.) событиях, явлениях, предметах и их отношениях как внешнего, так и внутреннего по отношению к субъекту мира. Поэтому в речи словом передается многое[35]: информация о каких-то событиях, отношении к ним, к высказыванию, к адресату, к самому себе и т. п. (модальность), экспрессивно-эмоциональные оттенки и др[36]. Таким образом, в речи проявляется двойная направленность единиц плана выражения: направленность на объект (денотат) и направленность на отражение этого объекта в сознании человека (сигнификат)[37], т. е.

---

[34] Головин Б. Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи. – С. 21; Клычков Г. С. Отмечает следующие три направления в понимании значения слова: 1) как отношение, 2) как функция от контекста или ситуации, 3) как образ, отражение чего-то в объективной действительности. Клычков Г. С. Значение и полисемия слова // Законы семантического развития в языке. М., 1961. – С. 100. Сам Клычков Г. С. определяет значение слова как «психическое образование, основанное на отражении в нашем сознании предмета, явления и притом отражении обобщенном», т. е. однозначно с понятием. Там же. – С. 106.

[35] «Богаче всего самое конкретное и самое субъективное». Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т, 29. – С. 212.

[36] Везде, где нет специальных указаний, имеется в виду повседневное, обиходное, а не научное использование языка. В работе рассматривается только предметно-логическая сторона содержания слова, т. е. только то, что индивидуально присуще этому слову. Экспрессивные, эмоциональные и стилистические элементы значения, охватывающие целые группы лексики, нами не исследуются.

[37] Их характеристику см. в кн.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974. – С. 60. Подробнее о разграничении сигнификативного и денотативного значений (об интенсионале и экстенсионале), а также о смысле слова, семантическом и реальном предме-

происходит обозначение, репрезентация каких-то явлений звуковыми оболочками слов («сигналов сигналов», собственно знаковая функция) и осуществляется выражение словом (как бы заключенных в звуковой оболочке, словно в «коробочке») идеальных отражений этих явлений – бытовых понятий о них (общих или, чаще, единичных, граничащих нередко с представлениями).

Во всех фактах реализации одного и того же слова в одном из его значений в речи всегда есть что-то обще, постоянное, возможное только в нем, и – отдельное, переменчивое, возможное и в соединении и с другими языковыми единицами, причем не обязательно одноплановыми[38]. Этим общим и постоянным является обозначение словом предметов только одного, определенного класса и выражения понятия об одном или нескольких предметах этого класса или же обо всём классе[39]. Следовательно, значение слова в языке, существующем в массе речевых отрезков (язык в материально-прерывной форме), будет то общее, что действительно имеется во всех обозначаемых этим словом денотатах (реальных явлениях)[40], то, что всегда, постоянно им обозначается, и то общее

те см. в работах Ломтева Т. П.: 1) Метод бинарности семантического анализа в логике и лингвистике // Проблемы значения в лингвистике и логике. МГУ, 1963. – С. 35 – 39; 2) Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики // НДВШ. Филол. науки, 1964, № 2; 3) Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики // Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М,. 1976. – С. 257 – 259.

[38] Ср. различные возможности выражения одной и той же семантики (модальности и т. д.), показанные в кн.: Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.

[39] О речевом, реальном значении слова см., например: 1) Ахманова О. С. Лингвистическое значение и его разновидности // Проблемы значения в лингвистике и логике. МГУ, 1963. – С. 10; 2) Степанов Ю. С. К общей лингвистической теории значения // Там же. – С. 12; 3) Талицкая У. У. К вопросу о лексических и реальных значениях слов в толковых словарях // Вопросы теории и истории языка. ЛГУ, 1969. – С. 225 – 233.

[40] Ряд исследователей по отношению к языковым явлениям продолжает видеть обще только в сознании людей, низводя тем самым эти явления лишь к голой (пустой) абстракции. Одним из примеров тому может послужить следующее высказывание: «…диалектная система есть известное обобщение, отвлечение от частных систем отдельных говоров, но и система говора также является известным обобщением» (Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1968. С. – 7), тогда как обще есть в самих «системах отдельных говоров».

в сознании говорящих об этих явлениях людей, что постоянно выражается этим словом, т. е. снова бытовое понятие о них.

В языке, существующем в виде языкового сознания людей данной языковой общности, наблюдается относительно постоянная закрепленность обобщенного образа звуковой оболочки слова за обобщенным отражением предметов определенного класса, какая-то, неизвестная нам еще с психофизиологической точки зрения[41] связь отражений кусочков действительности (понятий) с отражениями их сигналов (единиц плана выражения), «соединение понятия и акустического образа»[42]. Эта связь отражений и создает то диалектическое ***единство***, которое можно назвать словом в идеальной форме существования. Следовательно, содержательной стороной слова, единицей его плана содержания, концептуальным ядром его значения в языковом сознании людей так же является бытовое (обыденное, повседневное, обиходное, обывательское, наивное, формальное) понятие, формальной – акустический образ соответствующей единицы плана выражения.

Таким образом, общим в значении слова в обеих формах существования языка и в речи оказывается бытовое понятие, которое и рассматривается нами в качестве концептуального ядра значения слова[43].

Признание в качестве концептуального ядра значения слова именно бытового понятия оказывается весьма существенным во многих отношениях[44]. При исследовании

---

[41] Обычно просто говорят об особом состоянии нервных клеток головного мозга. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – С. 80.

[42] Соссюр Ф де. Труды по языкознания. М., 1977. – С. 100. Ср., однако: «…при изучении системы языка противопоставление терминов «план выражения» и «план содержания» теряет всякий смысл. Элементы системы имеют психофизическую природу, они идеальны по самой своей сути, основным их назначением является экспликация мысли». Засорина Л. Н. О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики. ЛГУ, 1973. – С. 15. Во-первых, здесь признается только одна – идеальная – форма существования языка, во-вторых, происходит явная путаница идеального и содержательного. Ср. понимание понятия как формальной единицы мышления (т. е идеального), обладающего определенным содержанием.

[43] О той или иной соотнесенности значения слова в его концептуальном ядре с бытовым понятием см.: 1) Ковтун Л. С. О значении слова; 2) Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. – С. 8; 3) Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. – С. 56; 4) Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975. – С. 111 – 124.

лексической семантики представляется совершенно необходимым не только отграничивать бытовые понятия от научных, но и наивного, повседневного, бытового сознания от других его видов. Несмотря на все успехи цивилизации, науки и культуры, позволившие дать глубокий и всесторонний анализ многих явлений окружающей действительности, в бытовом, повседневном сознании (понятиях) человек порой отражает мир на уровне его далеких предков[45]. Для него все также «восходит» и «заходит» солнце, «стоит» тарелка и «лежит» блюдце и т. п. Но это не является недостатком или какой-то неполноценностью, а скорее наоборот, все это вполне удовлетворяет требованиям повседневной жизни и в то же время позволяет увидеть не черно-белую, а опоэтизированную, ассоциативно обогащенную, разноцветную картину мира, достаточно различную не только для носителей отдельных языков, но в определенной мере и для представителей различных социальных и территориальных групп носителей одного и того же языка. В то же время научная картина мира в этом смысле «является общей для людей, говорящих на самых различных языках»[46]. Таким образом, в понятиях бытового сознания отражается не только объективно существенное, но и «субъективно» существенно, существенное с точки зрения определенного коллектива, а иногда и одного человека.

Известно также, что то или иное явление (вещь) может быть носителем нескольких систем общих, устойчивых и существенных признаков и, следовательно, может быть отражена в сознании людей под тем или иным углом зрения, со стороны только какой-то одной из этих систем[47]. Значительную роль в этом процессе играет мотивированное слово (семантический или словообразовательный дериват, обладающий внутрен-

---

[44] Общую характеристику бытовых понятий см. в указанных выше работах Кацнельсона С. Д. и Апресяна Ю. Д.

[45] О сохранении в наши дни «очень архаичных моделей миропонимания» см.: Денисов П. Н. Проблема значения слова в связи с моделированием языка // Проблема значения слова в лингвистике и логике. МГУ, 1963. – С. 41. См. также: Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. МГУ, 1974 (особенно гл. 1 и 2).

[46] Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. – С. 67. Вернее сказать, научная картина мира имеет свою, другую «окраску» у разных людей и групп людей, которую можно назвать идеологической, социальной, культурной, образовательной (качество и количество полученных знаний) и т. п. (ср., например, отношение к понятию «социалистическая революция» буржуазии и пролетариата и т. п.).

[47] Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967. – С. 28 – 29.

ней формой), которое оформляет и формирует бытовое понятие, «окрашивает» его в определенные цвета, соотносит с там или иным более широким понятием[48]. В этом случае можно говорить о своеобразной «мимикрии», «подкрашивании» понятий. Так, например, с научной точки зрения понятия «свободное падение», «падение в воздухе» и «погружение в воде» отражают хотя и в чем-то подобные, но различные явления, которые в быту при регулярном обозначении их одним и тем же словом (человек пал с крыши, камень пал на дно; понятия падения в вакуум «бытовой язык» в общем-то не знает) мыслятся как одноплановые – свободное падение.

Особенно наглядно указанное свойство провялятся при полисемии.

§ 3. Полисемия. До сих пор речь шла об однозначном соответствии плана содержания плану выражения. Практически же при изучении лексической семантики обычно приходится иметь дело со случаями, когда одна и та же единица плана выражения является регулярным сигналом предметов разных классов, т. е. обозначает различные общие системы признаков, выражает различные понятия, и в языковом сознании людей акустический образ этой материальной единицы плана выражения закреплен не за одним, а несколькими бытовыми понятиями, между которыми существуют различные связи и отношения[49]. Это явление и получило название полисемии или многозначности слова. На-

---

[48] «…Для лингвиста, конечно, вовсе не безразлично то, как членится в каждом конкретном языке данная предметно-смысловая область, какие признаки предметов отражаются в отдельных наименованиях…». Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. – С. 14; «…Уже в мышлении отражение действительности выступает до некоторой степени в преломленном виде, в сферах же языка оно получает дальнейшее преломление». Общее языкознание. – С. 80; «…Мышление, возникая через отражение действительности, видоизменяется в зависимости от той системы внешних (звуков и пр.) различий, с которыми в данном языке связываются данные понятия». Ахманова О. С. Лингвистическое значение и его разновидности. – С. 9.

[49] В случае полного отсутствия этих связей и отношений мы имеем дело с другим явлением – омонимией. Отдельные значения многозначного слова объединяются не только единством формы (омонимия), но и, если можно так сказать, частичными единствами содержания; «Сходство и близость отдельных значений многозначного глагола заключается не в наличии одного, общего для всех значений признака, а в совпадении любых признаков одного значения с признаками других». Кузнецова Э. В. Полисемия и ее отношение к слову и понятию // Язык и мышление. М., 1967. – С. 211. Сходство и близость от-

личие указанных связей и отношений позволяет говорить о системном характере семантической структуры слова, искать и описывать определенные закономерности и принципы ее развития, организации и существования.

Основным стимулом развития производных значений слова, как уже говорилось, являются потребности наименования, вызванные обычно внешними по отношению к языку причинами[50]. Каким будет это наименование, во многом определяется внутренними факторами языковой системы[51] и прежде всего характером разрешения того внутреннего противоречия, которое отмечалось выше. Если быть более точным, то нужно говорить не просто о потребности наименования того или иного явления, а о потребности именно такого его наименования, о потребности увидеть и обозначить это явление (известное ранее или же новое) именно с определенной стороны, в определенной окраске, в той или иной системе его признаков[52]. Произойдёт ли это, решается в борьбе указанных противоположностей: если потребность достаточно сильна, то в системе языка всегда найдутся скрытые возможности для ее удовлетворения.

Есть все основания предполагать, что семантические возможности слова заложены в бытовом понятии, являющимся концептуальным ядром его основного значения. Исходное значение слова само по себе уже предопределяет, предполагает возможность наличия у этого слова определенных производных значений, которые где-то (в той или

дельных значений многозначного глагола, как это будет показано в работе, определяется прежде всего наличием у них каких-то общих признаков с основным, главным значением.

[50] О них см.: Шмелев Д. Н. О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. – С. 6 – 8.

[51] «Между внутренними и внешними факторами развития лексики наблюдается сложное взаимодействие. Семантическая структура многозначного слова, т. е. соотношение между различными его значениями, зависит от внутренних связей слова и в свою очередь определяет эти связи, являясь, таким образом, элементом собственно языковой его характеристики. И в то же время семантическая структура слова в значительной степени определяется внешними по отношению к языку моментами». Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968. – С. 96.

[52] Ларин Б. А., разграничивая реальные, концептуальные и эстетические значения слова, писал: «Вторую категорию различий составляют различия <u>концептуальные</u>; слова относятся к тому же предмету или явлению, но соответствуют разным точкам зрения, разным представлениям (различие обусловлено <u>не в мире бытия, а в мире сознания</u>)…». Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. – С. 32.

иной сфере национального языка), когда-то (в тот или иной исторический период его существования), как-то (случайно, окказионально, единично или же системно, устойчиво) должны проявиться в определенном национальном языке[53]. Вернее, эти возможности заложены в основной, так сказать, идее корневой морфемы (здесь: -пад-/-пас-) этого слова и должны проявиться в одном из его семантических или словообразовательных дериватов.

Известно два основных вида переноса наименования: метафора и метонимия (в широком смысле). Механизм метафорического переноса примерно таков: один из признаков явления, обозначенного определенным словом, оказывается присущим и другому явлению[54]. Тогда это второе явление, в случае необходимости отражения его именно со стороны этого признака, может получить наименование первого явления. Процесс метонимического переноса наименования в принципе тот же, только основан он не на наличии общего признака у двух явлений, а на их соприкасаемости, близости (во времени или пространстве). Иногда метафорический и метонимический механизмы переноса наименования могут совмещаться.

Итак, в основе настоящего исследования лежат три главных положения.

1. Концептуальным ядром лексического значения слова, значением в узком (предметно-логическом) смысле, является бытовое понятие, отражающее как объективно существенные, так и субъективно существенные признаки предметов и явлений.

2. Семантические возможности слова заложены на уровне системы в концептуальном ядре его основного (и, как правило, исходного) значения, предопределены и ограничены им, потенциально существуют в нем и всегда могут проявиться в той или иной сфере языка. Характер функционирования глагола в отдельных значениях определяется на уровне нормы.

3. Развитие системы значений многозначного слова вызывается языковыми потребностями общества, потребностями увидеть, отразить и обозначить какое-то явление под определенным углом зрения, со стороны определенной системы его признаков и

---

[53] Ср. понимание Виноградовым В. В. Лексемы «как потенциальной совокупности значений, сконцентрированных вокруг одного смыслового ядра, внешним знаком которого является слитный фонетический комплекс…». Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. – С. 372.

[54] При художественном переносе такой признак может быть лишь индивидуально видим в другом явлении.

осуществляется в процессах борьбы между новым и старым, возможностью системы и консервативностью нормы в языке. Закономерности зарождения нового обусловлены в то же время общими возможностями сопоставлений и ассоциаций (метафорических и метонимических).